

КОНДУКТОРСКИЕ ГОДЫ ДОСТОЕВСКОГО В ГЛАВНОМ ИНЖЕНЕРНОМ УЧИЛИЩЕ

Дополнение к «Летописи жизни и творчества...»

Период пребывания Достоевского в Главном инженерном училище (ГИУ) в наибольшей степени был освещен в известной книге В. С. Нечаевой «Ранний Достоевский» и в статье И. Д. Якубович.¹ И тем не менее оказалось, что некоторые из возможных сведений в источниках училищного периода не были использованы. Наверное, этот отрезок жизни Ф. М. Достоевского все-таки мало привлекает внимание исследователей, поскольку считается как бы не определяющим, а «внутриутробным», по образному определению И. Л. Волгина.²

Отчасти это правомерно, поскольку, действительно, состоявшимся писателем Достоевский стал уже после выхода в отставку с военной службы. Но, как справедливо замечает тот же И. Л. Волгин, — «гений интересен в любой момент времени»,³ а поэтому оценивать значение тех шести с лишним лет только в качестве пассивного периода накопления опыта, знаний и впечатлений без внимательного поиска причин того, что тогда произошло, было бы слишком просто. Хотя понятно, что следовавшие за этим периодом годы по своей значимости, напряженности и эмоциональности явились, конечно, основополагающими для творчества писателя.

Начнем с того, что именно переезд в Петербург, вызванный решением родителей определить старших сыновей в закрытое и привилегированное высшее учебное заведение, каковым было ГИУ, во многом стал отправным моментом в жизни не только Достоевского-человека, но и Достоевского-писателя. Взять хотя бы то, что благодаря этому Достоевский-москвич стал «самым петербургским писателем», у которого во многих произведениях этот город выступает не только как «фон для развития сюжета», но и как «вдохновитель писателя, его муза».⁴ Очевидно, что без этой «музы» Достоевский был бы совершенно другим писателем, если бы все равно посвятил себя литературной деятельности.

Известно, что братья Достоевские ехали в северную столицу полные надежд и ожидания чего-то им неведомого, нового и радужного.

¹ Нечаева В. С. Ранний Достоевский. М., 1976; Якубович И. Д. Достоевский в Главном инженерном училище // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1983. Т. 5. С. 179—186.

² Волгин И. Л. Родиться в России: Достоевский и современность: Жизнь в документах. М., 1991. С. 9.

³ Волгин И. Л. Последний год Достоевского. М., 1991. С. 6.

⁴ Анциферов Н. П. Петербург Достоевского. Пб., 1923. С. 24.

Как пишет об этом сам Достоевский в «Дневнике писателя»: «Мы с братом стремились тогда в новую жизнь, мечтали о чем-то страстно» (22, 27). Кончался период их «кудрявых грез» и начинались годы знакомства с реальной и неизвестной жизнью, годы духовного и мужского созревания. Условно первые годы этого отрезка их жизни можно было бы назвать «инженерными».

Почему врач Михаил Андреевич Достоевский решил определить своих старших сыновей именно в Главное инженерное училище, располагавшееся в Петербурге? Наиболее убедительным объяснением этому представляется следующее: пребывание в этом казенном учебном заведении обеспечивало надежное существование в дальнейшем и гарантировало получение образования по востребованной и хорошо оплачиваемой специальности. Как утверждал в свое время военный инженер Г. Тимченко-Рубан, «при Николае Павловиче труд инженерных офицеров оплачивался в некоторых случаях роскошно, всегда хорошо и во всяком случае в мере, позволявшей жить безбедно на казенное содержание». ⁵ Таким образом, за судьбу своих старших сыновей Достоевский-отец, как ему казалось, мог быть спокоен и все свое внимание уделить пяти младшим детям, оставшимся на его попечении после смерти жены.

Но не только это, важное для семьи Достоевских, обстоятельство стало причиной такого выбора: несмотря на сравнительно короткий срок своего существования (18 лет), училище уже тогда имело репутацию учебного заведения, дающего «наивозможно высшую степень научной подготовки», да и опекалось лично императором, что гарантировало эту «высшую степень». ⁶

Соответствующую информацию об этом училище родители Достоевского могли получить, скорее всего, от пациентов отца, активно занимавшегося частной практикой в состоятельных семьях, или от кого-то из сослуживцев. Вполне возможно, что она исходила из семьи доктора Альфонского, жена которого Екатерина Алексеевна была «настоящим другом» матери будущего писателя, по воспоминаниям его младшего брата Андрея. ⁷

Но почему возникло такое предположение? Дело в том, что, как установлено, в пансионе Л. Чермака вместе с братьями Достоевскими воспитывался Владимир Гарднер, который на год раньше их стал

⁵ Тимченко-Рубан Г. Очерк деятельности великого князя и императора Николая Павловича как руководителя военно-инженерной частью. Т. 1: Инженерная организация и техника. СПб., 1912. С. 28.

⁶ См.: Максимовский М. Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819—1869. СПб., 1869; Фабрициус И. Военно-инженерное ведомство и царствование императора Александра I: Очерк первый. Инженерное управление и его средства. СПб., 1903. С. 175.

⁷ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 47.

кондуктором ГИУ, предварительно также пройдя подготовку и в пансионе капитана Костомарова. Весьма вероятно, что именно он, будучи, по-видимому, родственником Екатерины Алексеевны Альфонской (урожд. Гарднер), явился тем самым источником сведений о ГИУ, которые склонили отца с матерью принять решение определить старших сыновей именно туда.

Так или иначе, юный Федор Достоевский после пансиона Костомарова и сдачи вступительных экзаменов, на которых он показал «изрядные успехи», как отмечено в приказе по ГИУ, становится кондуктором с начала января 1838 года. Правда, и отец, и сын рассчитывали на то, что Федору удастся поступить на казенный счет, но этого не получилось. Из письма Федора отцу в начале февраля 1838 года мы узнаем, что «уже после экзамена генерал (видимо, В. Л. Шарнгорст) постарался о принятии четырех новопоступающих на казенный счет, кроме того кандидата, который был у Костомарова, и перебил мою ваканцию» (28, 47). Так сам будущий писатель оценивает произошедшее. Из приказов по ГИУ удалось выяснить фамилии тех самых четырех кандидатов: 29 января (по ст. ст.) 1838 года там записано — «на вакансии зачислить кондукторами Константина Зверева, Николая Кузьминского, Аркадия Соболева и Ивана Маслова». Достоевский считает, что их зачислили по прихоти начальства, но представляется, что это не совсем так, ибо они получили на экзаменах более высокую оценку своих знаний — 4-ю степень («хорошие успехи») из 6 возможных, тогда как Федор получил только 3-ю («изрядные успехи»).⁸ Такая 6-балльная система оценок была введена в училище в октябре 1834 года.⁹ Любопытно, что в феврале того же 1838 года один из названных четырех, Николай Кузьминский, был исключен из списков кондукторов «по собственному желанию», но на его место тут же был принят «свой» — сын смотрителя Инженерного замка Николай Миллер. Кстати, Иван Маслов также был сыном одного из бывших воспитанников ГИУ — военного инженера, строившего в то время кронштадтский форт «Павел I».¹⁰ У Федора Достоевского подобной «поддержки» не было, и помогли ему поступить в училище в первую очередь подготовка в пансионе Костомарова и непосредственное участие в его судьбе самого Коронада Филипповича.

Наверное, интересно было бы составить более глубокое впечатление об этом человеке. Архивные материалы, относящиеся к Инженерному ведомству, а также и мнения некоторых людей, сталкивавшихся с ним, позволяют частично это сделать.

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 351, оп. 1, д. 7, л. 6—9.

⁹ Там же, д. 4, л. 58.

¹⁰ Там же, д. 1, л. 9.

Коронад Филиппович Костомаров (1803—1873) — выпускник ГИУ 1824 года. Особыми успехами не выделялся, но всегда входил в первую десятку учеников. После ГИУ был назначен для службы в Чертежную Инженерного департамента (практически — проектное бюро при департаменте). Одним из первых получил разрешение на организацию пансиона для подготовки юношей к поступлению в училище. К моменту появления там Достоевского имел чин капитана. В конце жизни дослужился до чина генерал-лейтенанта и должности члена Инженерного комитета.¹¹

Пансион Костомарова имел хорошую репутацию. Как пишет сам Федор Михайлович в одном из писем отцу: «...еще не было ни одного примера, чтобы от Коронада Филипповича кто-нибудь не поступил в Училище» (28, 36). По письмам обоих братьев Достоевских можно судить о К. Ф. Костомарове как о внимательном и вежливом человеке, однако не забывавшем и о материальной стороне своего дела.

¹¹ Там же, д. 1, 2.

Расширяют наше представление о нем воспоминания другого его воспитанника, Ивана Михайловича Сеченова, поступившего в пансион тремя годами позже Достоевского. Он характеризует Костомарова, как человека «не экспансивного», от которого он не слышал «ни одного ласкового слова, но и ни одного выговора» и который не очень много внимания уделял своим пансионерам. Он вспоминает также, что занятия в пансионе вели в основном приглашенные преподаватели, а сам Костомаров «уходил из дома почти на целый день и оставлял всех на попечение денщика и супруги». ¹² Вместе с тем, по-видимому он так организовал дела в пансионе, что его подопечные почти всегда проходили по конкурсу.

Став в середине января 1838 года кондуктором Главного инженерного училища, Федор Михайлович уже в начале февраля пишет отцу в Москву: «Наконец-то я надел мундир и вступил совершенно на службу царскую» (28, 46). Вообще военный мундир меняет облик человека, надевшего его: даже на брата Михаила это произвело впечатление: «Какой он молодец в своем мундире!» — восклицает он в письме отцу. ¹³ Можно даже точно представить, как выглядел кондуктор Достоевский в это время, поскольку сохранилось описание различных военных форм того времени (см. рисунок). ¹⁴

В какие же условия попал этот воспитанник частного московского пансиона, ставший «молодцом в мундире»? И. М. Сеченов приводит в своих «Записках» существенные детали этой жизни: «Вставали по барабану в 5½ часов утра, в 7 часов кончали утренний завтрак и сразу — классы... Ежедневно 7 часов ученья, кроме пятницы, когда 1½ часа отводилось на ротные ученья» ¹⁵ (те самые «ротные ученья», на которых новоиспеченных кондукторов обучали маршировать строем, а также разным перестроениям и ружейным приемам для подготовки участия в ежегодных майских парадах). Именно эта сторона армейской жизни не нравилась многим юношам. Неудивительно, что будущий писатель, как сообщал его брат Михаил, «скучал фронтом». Однако «скучал» он своеобразно. Как это происходило, описал в своих воспоминаниях дежурный офицер училища того времени А. И. Савельев: «На то, что особенно сердило Григоровича: барабанный бой, вытягивание носка на маршировке и стояние, как он говорит, в журавлиной позе на одной ноге, пока не скомандуют ее опустить, — Достоевский смотрел равнодушно, усердно вытягивая носок, учился походить на ординарца». ¹⁶ Такая военная муштра, ха-

¹² Сеченов И. М. Автобиографические записки. М., 1907. С. 11—12.

¹³ Письма М. М. Достоевского отцу // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1980. Л., 1981. С. 79.

¹⁴ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с 1825 по 1855 г. Т. 22, ч. XVII. Новосибирск, 1944. Рис. 481.

¹⁵ Сеченов И. М. Автобиографические записки. С. 11—12.

¹⁶ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 47.

ракторная для николаевской России, была одним из проявлений «общего направления во внешней своей форме»¹⁷ и поэтому воспринималась как неизбежность.

Но терпеть нужно было не только «фрунтовую» муштру и жесткий распорядок жизни. Кондукторов приучали и к другим возможным трудностям службы: холоду и упрощенности походной жизни. Сеченов также вспоминал, что «единственным теплым платьем, даже в 25-градусные морозы, были ничем не подбитые шинели из темно-серого сукна (более тонкого, чем солдатское), которые надевали на рукава <...> наушники и жесткие (набеленные мелом) варежки».¹⁸ Кроме того, в лагерях спали на соломе, правда покрытой простынями.

Естественно, сразу привыкнуть ко всем таким особенностям кондукторской жизни гражданским юношам было совсем не просто, что не могло не отразиться на их успеваемости. Об этом красноречиво говорят результаты «третних» экзаменов, которые регулярно фиксировались в приказах по ГИУ. Предпринимались еще и промежуточные аттестации. По всем зафиксированным результатам таких аттестаций можно сегодня проследить, как кондуктор Достоевский и его однокашники постигали премудрости наук и воинской службы на первом году обучения.

По ним удалось установить, что уже в феврале 1838 года состоялась промежуточная аттестация обучаемых, после которой отмечены во всех кондукторских классах как отлично успевающие, так и неуспевающие. Последних было приказано не отпускать домой до исправления. Фамилия Достоевского не упоминается. В целом же оценка 3-го кондукторского класса (класс Достоевского) оказалась невысокой, так как «только 1/2 показали хорошие успехи».¹⁹

В апреле—мае состоялись экзамены, по результатам которых можно понять, как сложно Достоевский осваивался в новой для него ситуации: из 35 сдавших он занял только 27-е место (на следующем, 28-м, оказался Д. В. Григорович). Суммарные же успехи класса характеризуются в приказе как «неровные».²⁰ Отчитываясь в письме перед отцом до отбытия в Петергофский летний лагерь, Федор Достоевский сам так объясняет неудачу на тех экзаменах: «Надо было работать день и ночь: особенно чертежи доконали нас... Я плохо рисую, как Вам известно... и это мне сильно повредило..., я стал средним в классе, тогда как мог быть первым... А на рисование смотрят более математики» (28₁, 48). Ясно, что самолюбивый юноша пытается как-то успокоить отца, оправдывая свои не очень высокие успехи.

¹⁷ Максимовский М. Исторический очерк... С. 175.

¹⁸ Сеченов И. М. Автобиографические записки. С. 12.

¹⁹ РГВИА, ф. 351, оп. 1, д. 7, л. 6—9.

²⁰ Там же, л. 35.

При этом он, наверное, в глубине души надеется на следующие экзамены, которые должны были состояться после лагеря.

Однако в лагере, где жизнь была вольнее, чем на зимних квартирах, он полон раздумий и сомнений. Об этом можно судить по его письму брату Михаилу: «Не знаю, стихнут ли когда мои грустные идеи?.. Мне кажется, что мир наш — чистилище духов небесных, отуманенных грешною мыслию» (28₁, 50). Очевидно, не все в его душе благополучно. Возможно, что именно в этот период случились те «неприятности» в общении с преподавателями, которые сказались на результатах «третьих» экзаменов в сентябре. Правда, в лагерный период он много читает и любимые авторы отвлекают его от «грустных идей»: тут и весь Гофман, почти весь Бальзак (весь на то время), Гете, Полевой, Гюго — какой диапазон литературных интересов!

В этот же период (весной и летом 1838 года) принимаются, по предложению императора Николая I, важные для оценки случившегося с Достоевским в сентябре решения. 15 мая (по ст. ст.) руководство училищем постановило «сократить на два месяца срок обучения (...) в связи с этим перевести только тех, кто окажется совершенно достойным и в коих можно быть уверенно. Остальных оставить на другой год», а 15 августа появилось еще одно постановление — «только те офицеры и кондукторы будут допущены к дальнейшему экзамену, у коих рисунки в исправности. Остальные останутся на другой год в том же классе».²¹

Вот под знаком этих решений и начали обучаемые в ГИУ сдавать осенние экзамены, по результатам которых принималось решение о переводе их в следующий класс. Именно после этого и был Достоевский оставлен на второй год в 3-м кондукторском классе. Известна его реакция на это событие: «Я не переведен! О ужас! еще целый год, целый год лишний! Я бы не бесился так, если бы не знал, что подлость, одна подлость низложила меня» (28₁, 53). Так он пишет брату, а отцу он пишет более сдержанно и сообщает причину этого: «Скажу одно: ко мне не благоволили некоторые из преподающих и самые сильные своим голосом на конференцной. С двумя из них я имел личные неприятности. Одно их слово, и я был оставлен» (28₁, 52).

Понятна реакция юного Федора, но думается, что причина такого решения Конференции ГИУ была не только субъективная оценка юного кондуктора, хотя, конечно, невыдержанность с его стороны явно имела место, а это, как известно, обычно почти никогда не оставляется без ответной реакции. Все-таки, по-видимому, определенную роль тут сыграли те самые решения, о которых речь шла выше.

Небезынтересно было бы узнать, кого имел в виду Федор Михайлович, говоря о «личных причинах» неприятностей, которые ему пришлось тогда пережить в училище. Одной из подсказок может

²¹ Там же, л. 50, 73.

служить фраза из его письма брату о том, что «этого хотел один из преподающих (алгебры), которому я нагрубил в продолжении года» (28, 53). Используя данные архива ГИУ, после несложных умозаключений можно предположить с известной долей уверенности, что этим преподавателем был штабс-капитан Лев Матвеевич Кирпичев. Неспроста Д. В. Григорович в своих воспоминаниях пишет, что «при одном появлении преподавателя математики Л. М. Кирпичева сердце мое замирало».²² Видимо, этот офицер-преподаватель отличался особенной строгостью, что, наверное, и послужило основанием для назначения его в феврале 1838 года помощником инспектора классов в ГИУ, после того как инспектором стал полковник Г. К. Дальвиц, заменивший на этом посту полковника П. К. Ломновского (28, 46). Кроме того, следует учесть, что по положению помощник инспектора классов автоматически становился секретарем Конференции училища, на заседаниях которой наряду с другими вопросами решались и вопросы перевода в следующий класс или оставление на второй год.²³ Так что почти точно можно утверждать, что основным «доброжелателем» Достоевского на первом году его обучения в ГИУ был именно Л. М. Кирпичев. А вот кто мог быть другим, более или менее определенно сказать весьма затруднительно, хотя и возможны некоторые предположения: например, им мог быть или преподаватель рисунка капитан А. П. Реймерс (известны трудности, которые испытывал Достоевский в этой области) или другие математики — подполковник П. И. Черневский и штабс-капитан С. И. Тер-Степанов (свое отношение к математике Достоевский открыто высказывал в ряде писем) (28, 59). Более определенно сказать об этом трудно — никаких даже намеков по этому поводу пока не удалось обнаружить.

Вполне естественно было желание узнать о Льве Матвеевиче Кирпичеве как можно больше, поскольку в «Энциклопедическом словаре» С. В. Белова о нем поведано весьма скудно.²⁴ Изучая различные документы, удалось выяснить, что родился он в 1808 году в семье будущего участника Бородинского сражения 1812 года. С отличием закончил в 1826 году полный курс ГИУ и был назначен в Чертежную Инженерного департамента. В начале 30-х годов XIX в. переводится в училище для использования в качестве преподавателя чистой математики. Вел курсы алгебры, дифференциального и интегрального исчисления, по которым и принимал экзамены. Помимо этого, по сложившейся практике того времени, ассистировал на экзаменах и по другим предметам, правда, не по тем, которые имели сугубо практическую направленность. С февраля 1838 года по февраль

²² Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 199.

²³ РГВИА, ф. 351, оп. 1, д. 54.

²⁴ Белов С. В. Энциклопедический словарь: Ф. М. Достоевский и его окружение. СПб., 2001. С. 384—385.

1842 года (именно тогда, когда в ГИУ был Достоевский) исполнял должность помощника инспектора классов, совмещая ее с преподавательской деятельностью. С середины 40-х годов его имя исчезает из числа преподающих. Возможно, он увольняется в отставку с военной службы (по состоянию здоровья) или переходит в другое учебное заведение. Скончался в 1862 году.²⁵

Второгодничество — важная веха в жизни Достоевского. Именно после этого он вынужден был «загнать» свое самолюбие внутрь («благословляю минуты, в которые я мирюсь с настоящим» — 28, 63), больше внимания уделять обучению, чтобы «не плестись в хвосте», что было несвойственно его натуре. В результате уже по итогам полугодовых экзаменов 1839 года он становится третьим по успехам (из 26) и переводится во второй кондукторский класс.²⁶ Этот уровень он резко не снижает вплоть до окончания 1-го кондукторского класса и присвоения ему первого офицерского чина «инженер-прапорщик» в сентябре 1841 года.²⁷

1839 год стал существенным в жизни Федора Михайловича не только из-за оставления его на второй год — в этот год он лишается также отца. Именно такое двойное испытание стало началом осознания им своего настоящего предназначения, выраженного четко в августовском письме брату: «Я в себе уверен. Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время» (28, 63).

²⁵ Там же, д. 10, л. 19.

²⁶ Там же, д. 8, л. 55.

²⁷ Там же, д. 9, л. 44.